

РЫЦАРЬ ЛИТЕРАТУРЫ

К 90-летию Игоря Золотусского

В НАШЕЙ ЛИТЕРАТУРЕ людей масштаба Игоря Петровича практически не осталось — старая гвардия выбита временем. Тем приятнее осознавать, когда они всё ещё с нами и всё ещё в строю. Крупнейший в мире специалист по Гоголю, одна из центральных фигур литературной критики СССР автор многочисленных документальных фильмов, друживший с Фёдором Абрамовым, Саввой Ямциковым, Георгием Гачевым, Вадимом Кожинвым, Львом Аннинским...

По его биографии можно было бы поставить отличный фильм о человеке, который сделал себя сам исключительно благодаря уму, воле и умению держать удар.

Игорь Петрович появился на свет в Москве 28 ноября 1930 года. Отец его, Пётр Аронович Золотусский, — выходец из местечка Тетиев Киевской губернии. К 1919 году успел пожить в Палестине, Египте, США (работал на заводе Генри Форда). Через Владивосток вернулся в послереволюционную Россию, вступил в РКП(б) и отправился служить в Красную армию. В его бумагах есть воспоминание, как он стоял в почётном карауле у гроба Ленина. С 1924 года его деятельность связана с внешней разведкой. Работал во Франции, Италии, Швеции, Японии, США. В 1929 году во Владивостоке знакомится с будущей матерью героя этой статьи — Яной Яновной. Она в то время была замужем, да и Пётр Аронович тоже не был свободен. Но брачные узы не устояли перед новыми чувствами.

Начало жизни Игоря Петровича было настолько радужным, насколько это вообще возможно. Любящая семья, постоянные поездки и новые впечатления, красивейшие страны мира... Конечно, не обошлось без экстренных ситуаций: род службы отца привнесил в жизнь экстремальный флёр.

Например, когда в 1933 году горел Рейхстаг, семья Золотусских случайно проезжала на такси в непосредственной близости от него. Окружающие кварталы кишели штурмовиками. Такси остановили, потребовали предъявить документы. Ситуацию спасло лишь наличие американских паспортов. Тогда гитлеровцы ещё боялись связываться в проблемы с заокеанской державой. Но если бы выяснилась правда, то обнаружение на месте события представителя советской разведки, да ещё и еврея, придало бы делу о "поджоге" совсем иной оборот.

Всё закончилось в 1937 году. После возвращения в СССР отца арестовали, спустя несколько месяцев взяли под стражу мать.

Семилетний Игорь отправляется в детский дом, который суровостью дисциплины больше напоминал тюрьму. Жёсткий и непримиримый характер нашего героя к тому времени уже даёт о себе знать. В ответ на слова воспитательницы: "сын врагов народа" он швыряет в неё чернильницу. По его словам, если б попал, возможно, убил бы.

Из детдома он убегает. Вот как Игорь Петрович сам рассказывает о дальнейшем периоде своей жизни: "Начались скитания по России. Конечно, я много увидел: в какой стране я живу, каков мой народ. Ранее я был изгнанником от этой жизни, отец мой — крупный разведчик, мы всё время жили за границей. А тогда я, опустившись на дно, увидел и много дурного, хотя дурного гораздо меньше, и много хорошего. Я увидел, что такое русский человек. Была зима, у нас имелись какие-то шинельки, их украли. Мы встретили добрых людей, заботливых, которые дали нам кусок хлеба, согрели. Дали повесть, набросили на нас какую-то ветوشку, чтобы мы совсем не замёрзли. Для меня это было открытие России, и оно, безусловно, оставило отпечаток на всём строе моего отношения к стране, к её истории".

Своим становлением на "путь истинный" Золотусский во многом обязан отцу.

"В детстве и юности я мог стать беспризорником, мог стать олицомом. У меня уже были такие повадки... Знаете, после войны у мальчишек были привычки делать из консервной банки себе золотой зуб, носить кепочку с коротким козырьком и "икхидивенцем" ("икхидивенец" — это такая петелька наверху). Только нашку носить и, конечно, иметь при себе финку. Вот до чего я дошёл. Но отец, освободившись из лагеря, взял меня с собой, увёз на север, в Котлас, и там я стал учиться".

Потом была учёба в Ульяновской школе. Той самой, которую, когда она ещё была гимназией, окончил с золотой медалью В.И. Ленин. Сын "врагов народа" не отстал от вождя мирового пролетариата, после окончания ему тоже вручили медаль, правда, серебряную. Отец Игоря Петровича читал в зале, смотрел на награждение сына и плакал.

К слову сказать, в материалах дела бывшего разведчика есть такие слова: "Обвиняемый Золотусский Пётр Аронович виновным себя не признал" и "Лиц, скомпрометированных показаниями Золотусского, в деле не имеется". Согласитесь, это говорит о многом и даёт понять, откуда у сына такая твёрдость характера.

После окончания филологического отделения Казанского университета Игорь Петрович, "как патриот нашей Родины, отправился в самый дальний угол — на Дальний Восток, чтобы там учить детей". Быть учителем — ремесло непростое, не каждый находит себя в нём. Впрочем, о послешкольных занятиях со старшеклассниками, когда они влупу читали "Тамле-та" и "Дон Кихота", Золотусский и по сей день вспоминает с теплом и удовольствием.

Дальше была работа в газете "Молодой дальневосточник" и на Хабаровском радио. "Мне давали возможность выступать в эфире с почти сорокаминутной передачей по поводу, допустим, книг Хемингуэя, которые тогда только стали выходить".

Талантливого юношу заметили, пригласили на Всероссийский семинар молодых критиков, о его работах высоко отзывался К.И. Чуковский, статьи печатались в журнале "Урал", "Литературной газете".

По собственному признанию Игоря Петровича, с момента ареста отца его не оставляла мысль о мести. Он жаждал отомстить за поруганную честь семьи, искалеченные судьбы родителей, своё переломанное детство. Изначально мысль его шла по разрушительному направлению, но в какой-то момент вектор размысленный развернулся в прямо противоположном направлении. Защитить честь семьи можно не только отомстив обидчикам, но и совершив нечто значительное, что заставило бы окружающих произносить поруганную фамилию с уважением и гордостью.

Смерть отца в 1967 году только укрепляет Игоря Петровича в правильности выбранного пути.

К тому моменту Гоголь становится одним из его любимых писателей, и появляется замысел написать биографию Николая Васильевича. Первый вариант, созданный за сто дней, отправляется в мусорную корзину: "Это было просто невозможно читать". Появления второго пришлось ждать десять лет. Такой основательный подход к делу особенно восхищает, когда смотришь на современных авторов, выпускающих по биографии за год-два. На мой субъективный взгляд, за такой ничтожный срок нельзя понять душу и душу любого, даже рядового человека, не говоря уже о поэтах или писателях серьёзного масштаба. Именно такой глубокий и основательный подход отличает титанов прежнего времени от сегодняшних верхоглядов (без обид!).

Книга, кстати, могла и не появиться. Директор издательства "Молодая гвардия", где выходит серия "ЖЗЛ", выбросил две трети текста, а оставшийся

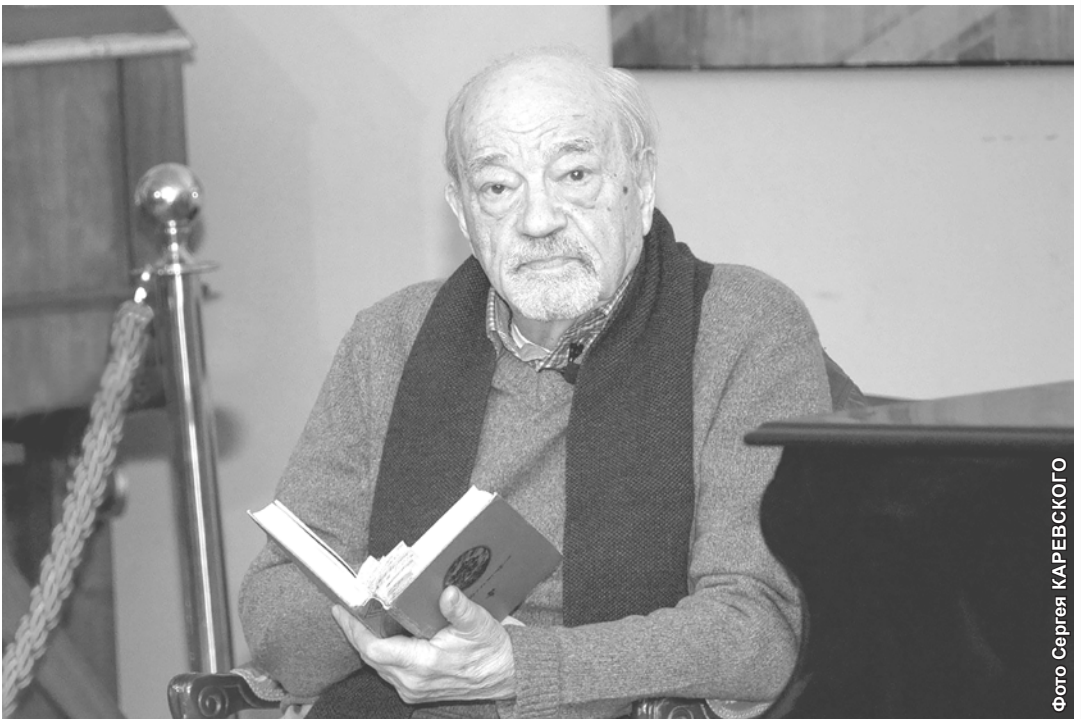

Фото Сергея КАРЕВЮТО

посоветовал переработать. "Я увидел эту исчерпанную вёрстку и впал в растерянность, потому что это было делом моей жизни. Я готов был даже покинуть страну". Дело спасли всё тот же характер и умение держать удар. По счастью, нашлись люди и поумнее, и более влиятельные, чем тогдашний руководитель "МГ": книга вышла, и, что важно, вышла с минимальными купюрами. С тех пор она выдержала множество переизданий и по сей день остаётся одним из самых значительных трудов о Гоголе.

Кстати, если говорить о советском периоде, то Игорь Петрович считает его гораздо более благоприятным для талантливых людей, нежели повседовольная современность. И я думаю, он знает, о чём говорит.

Золотусский — один из тех рыцарей культуры, кто никогда не принимал компромиссов ни в жизни, ни в литературе. Да, как мы знаем, "правду говорить легко и приятно". Но тем, кто слушает правду о себе, приятно становится далеко не всегда. Мир современной российской литературы: клановый, местечковый, пропитанный взаимными интересами и неприязнью, — не очень-то жаждет видеть в своих рядах людей жёстких и несговорчивых. Неудивительно, что и Золотусский не хочет взаимодействовать с этим миром. Его слова о российской критике: "Среди них есть талантливые люди, но в основном это те, кто обслуживает какие-то круги, какую-то группу лиц. Это

официанты, которые в дорогом ресторане стараются обслужить прежде всего богатых людей. Не то что они берут деньги, — нет, они хотят быть в этом кругу, где гораздо лучше живётся, чем вот так наедине".

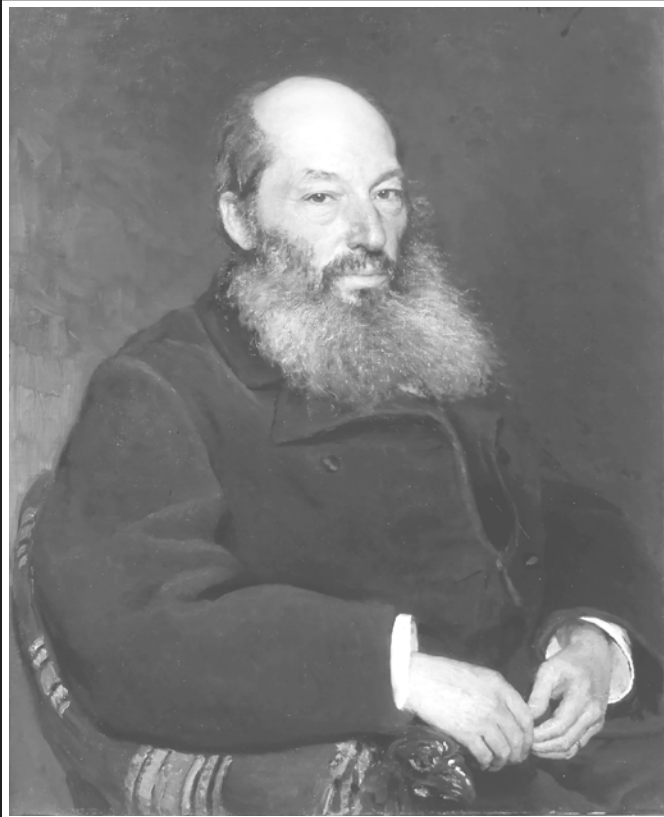
Да и согласится, трудно перейти от произведений Белова, Распутина, Астафьева, Шукшина, Симонова, Абрамова, Воробьёва к нашим современникам. Игорь Петрович, по его словам, пребывает в своеобразной эмиграции. "Я живу сейчас в девятнадцатом веке, и меня это устраивает", — говорит он. В последние десятилетия за его авторством на канале "Культура" вышло множество фильмов о русских классиках: Пушкине, Гоголе, Салтыкове-Щедрине, Лермонтове, Тургеневе, Тютчеве...

К слову сказать, эмиграция в девятнадцатый век состоялась всё же не полностью. В "портфолио" Золотусского хватает фильмов, посвящённых литераторам двадцатого века: Астафьеву, Симонову, Набокову, Савве Ямцикову, Фёдору Абрамову.

Когда в начале этой статьи я написал, что её герой "всё ещё в строю", то ничуть не согрешил против истины. Сейчас Игорь Петрович готовит книгу "Мои телевизионные денёчки" и работает над фильмом о Н.А. Некрасове. Всем бы такую производительность в девяносто лет!

Сил вам, Игорь Петрович! С юбилеем!

Игорь МАЛЫШЕВ

Портрет Афанасия ФЕТА (1882). Художник Илья РЕПИН

"Я ПРИШЁЛ К ТЕБЕ с приветом, рассказать, что солнце встало!.. Что душа всё так же счастливо и тебе служить готова". Эти стихотворные строки обращены к нам, потомкам: и светлой их радостью, и поразительным примером мужественной и негибаемой воли к жизни!

Мы отмечаем двухсотлетний юбилей уникального и веселого поэта земли Русской — Афанасия Афанасьевича Фета (Шеншина).

3 декабря (21 ноября) 1820 года в имении Новосёлки в семье богатого орловского помещика Афанасия Неофитовича Шеншина и Шарлотты (по первому мужу — Фёт) родился мальчик. Афанасий. Милый и привязчивый. Обожающий своего строгого отца, последователя системы воспитания Ж.-Ж. Руссо, и потому неблагодарно взиравшего на изыскания сыном пылкой любви. Хорошо, что младший брат отца Пётр, отставной офицер, искренне привязался к племяннику, не имея своей семьи, принял его как сына и учил всему: верховой езде, охоте, умениям, необходимым будущему военному и настоящему мужчине... Они сошлись душа в душу. Частенько дядя тешил племянника надеждой прожить тому безбедно, поверая тайну: всё наследство дяди было обращено в золотые червонцы и хранилось в секретном месте — жалдо Афоню. Учил дядя племянника и жизненной стойкости, предупреждая будущие удары судьбы. И те воспеждали...

Сначала болезнью умерли все его младшие братья и сестра. Затем жизни несколько наладилась, родились новые братья и сестры. Но Афанасий как старший был в односторонне отправлен далеко-далеко от родных мест и семьи. Учиться...

Не успел мальчик привыкнуть к строгому распорядку и серьёзной учёбе, как новый удар. 14-летнему мальчику отец письмом сообщает, что Афанасий выключен из фамилии Шеншин, лишён подданства, дворянства и права наследства, с туманными объяснениями, что брак родителей был заключён по православному обряду уже после его, Афанасия, рождения. Брак же, ранее заключённый по лютеранскому обряду, законом в расчёт оказался не принят. И Афанасия берёт на своё имя свояк матери — Фет. Только сердечная и нежная приписка дяди, что Афона всегда будет его любимым племянником независимо от официальной фамилии и наследником, дала мальчику возможность дышать и выжить после такого "письмца".

Одарён Афанасий был чрезвычайно. Во многих поэтских никак не уживались здравый смысл и поэтическое мировосприятие. И Пушкин, и Бунин не умели наладить материальную сторону своей жизни, объясняясь, что жаворонок поёт, а не пахнет...

Но Афанасий, получив столь жестокою жизненную "трёпку", установил своей целью вернуть потерянную им и дворянство, чего бы это ему ни стоило. Он научился работать на износ, математически мыслить и... был добрым и щедрым, благодарным за малость, но и гордым, чтобы не вызывать обидной жалости к себе. Он научился быть настоящим человеком. С 1838 года юноша, теперь Фет, студент Московского университета. Юридический факультет много дал ему в плане дисциплины мышления и понимания пути восстановления в своих правах. Затем Фет доучивался на историко-филологическом факультете. Окончил университет наш "студент из инородцев" в 1844 году.

Но ещё в 1840 году студент Фет вступил на путь литературы, когда вместе с другом Аполлоном Григорьевым (в семье которого проживал) издал сборник стихов "Лирический Пантеон".

Афанасий положил услышать себе дворянство. Это было возможным только на действующей военной службе. И закон допускал это. Следовало лишь дослужить до указанного офицерского чина. И вот в 1845 году Фет вступает в воинскую службу кавалеристом в кирасирский Военного ордена полк. Фету возвращают российское подданство. Начало положено! Страшные тяготы денежных затруднений гнетут молодого человека. Необходимо иметь две лошади, фураж, справить мундир да ещё много чего... А отец сильно урезал содержание, почти совсем, только дядя помогает... И что бы Афона делал без дяди?! Без дядино крепкого кавалерийского обучения. Шуточки в армии были армейские! Не выжил бы нежный дворянский отпрыск в грубой среде действующей армии без дядиной выучки, выездки. В полку Афону посадили смеха ради на

ОТ ПУШКИНА ДО ГОРЬКОГО

Жизненная и творческая особость Афанасия Фета

огромную казённую кобылу Дашку. Фет смотрелся рядом с этим монстром воробушком... Да всё бы полбеда, но эта кобыла была плотоядна! Жрала мелкую живность, воробьёв и лягушек, что приносили ей солдаты, и имела обыкновение покушаться на ляжки наездника. В первый выезд всё умение потребовалось Афоне, чтобы не дать злыдне отхватить себе полноги. Но юноша с честью вышел из этой борьбы и укротил людоеда. Служилые офицеры, предвкушавшие позор и слёзы новенького, были вынуждены признать в нём равного, даже превосходящего их наездника. О характере же молодого Фета говорит диалог, приведённый в его "Воспоминаниях": "— Так вы оставили корпусный штаб? — спросил Тимковский. — Почему? — Я убедился, что прямым путём там успеха добиться трудно. — Отчего же вы не попробовали кривым? — сказал ничем не затрудняющийся Тимковский".

Первое своё воинское звание Фет получил в 1846 году, но дворянство пока было далеко...

Афанасий не может не писать стихов. Впечатлительная душа его ищет убежища от армейской грубой прозы жизни. В 1850 году выходит второй сборник стихов А. Фета. Теперь его заметили! Журналы "Современник", "Отечественные записки", "Москвитиня" приветственными статьями сопроводили издание этого сборника стихов молодого офицера. И литературная известность несколько облегчила Фету жизнь в армии. Старшие товарищи, местные помещики приглашают его в гости, вводят в свой круг. Среди всех стоит отметить чету Бержесских, их радужное имя Берёзовку. И любовь... Ну как молодому, рьяному поэту не влюбиться?

Однако судьба припасла для Афанасия ещё немало страшных ударов. Как будто мало того, что любимая им и любящая его прелестная дева Мария — полная бесприданница, а у Фета только скудное жалованье и "обещанные червонцы дяди"... Не видя возможности скорой женитьбы, да и женитьбы вообще, Фет возвращает девушке данное ею слово. Они соглашаются разорвать помолвку. Но внезапно Афанасий узнаёт через общих друзей страшное: на даме его сердца загорелось платье, она выбежала в сад, не помня себя, ветер раздул огонь... Она мертва.

Образ любимой будет жить в стихах Фета до конца жизни. А жизнь шла. В 1853 году Афанасий решил попытаться перевестись в гвардейский полк под Петербургом. Тогда же завязалась дружба с редакцией журнала "Современник", с Тургеневым, Некрасовым, Гончаровым.

Третий сборник стихов Афанасия Фета вышел в 1856 году под редакцией Тургенева. Сам поэт находился в армии и не мог контролировать выход сборника. Иван Сергеевич "прошёлся" по всем стихам поэта, и литературные достоинства стихов упали... Фет был расстроен. Успех сборника был неполным, но Афанасий Фет, бесспорно, взойшёл на литературный олимп России.

Три раза подходил Афанасий Афанасьевич к своей заветной цели, но судьбе было угодно, что каждый раз выходил указ, повышающий звание, необходимое для получения дворянства. Бивачная жизнь вечно на перекладных, крайняя стеснённость в средствах, общение с ограниченными людьми в полку угнетало безмерно.

Стоит сказать, что отец, лишивший Афанасия всего, умудрился лишить его и дядиных "золотых". Как это вышло? Афанасий всегда был почитаемым и послушным сыном. Чтением родителей своих и не помышляющим их судить или, не приведя господ, осудить... Афанасий Неофитович лишился жены своей, матери большого семейства. Горюющий супруг всю привязанность поместил в дочерей своих, сестёр Афанасия. И требовал от Афанасия сопровождать их или улаживать их дела без учёта обстоятельств самого Афанасия. Вышло так, что дядя, находившийся на Кавказских испых водах, занемог. И стал требовать Афону к себе. Тот собрался выезжать к дяде, но жестокий приказ отца отправил Афанасия сопровождать сестру Ольгу в Киев... Дядя скоропостижно скончался, а "кубышка" его к приезду Афанасия оказалась разграбленной неизвестными.

Афанасий Афанасьевич в который раз оказался у "разбитого корыта". Но здравый смысл и врождённый оптимизм, столь выигранный оттеняющие стихи поэта, помогли ему найти иную дорогу в жизни.

Если дасть просто пролистать "Воспоминания" Фета, удивишься, сколь много известных и значимых людей состояли с ним в переписке. Из приведённых Фетом писем к нему мы видим литературную, но больше — политическую жизнь России. Острый ум, эрудиция и поэтический склад характера привлекали к нему многих. Особенно дружен он был с И.С. Тургеневым, Л.Н. Толстым и семейством Боткиных. У троих братьев Боткиных была сестра Маша, старшая дева. Она не отличалась ни красотой, ни живостью ума, ни значительностью. Но сжогость судеб её и Афанасия, положение "чужого в семье своей родной", желание разорвать этот заколдованный круг, наладить свою собственную жизнь сблизили уже не очень молодых людей, и они поженились в 1857 году. Этот брак оказался на редкость удачным. Сильно пострадавшие люди взаимно берегли покой и интересы друг друга. Знакомые им семейства, конечно, вели себя не лучшим образом. Как это парням вдруг найти своё счастье? Николай Николаевич Толстой даже воскликнул крайне бестактно: "Афанасий Афанасьевич! Зачем вы женились на Марье Петровне?" В ответ "Фет покраснел, промолчал и вышел из комнаты". В 1858 году был издан указ о присвоении дворянства только в чине полковника. Фет же был лишь гвардейский штаб-ротмистр. Отчаявшись, он выходит в отставку.

1860 год. Фет приступил к написанию мемуаров, в которые он включил огромное количество писем к нему знакомых людей из мира литературы и политики своего времени. Мемуары писались почти до конца жизни поэта и являлись новой стороной его творчества. Увлекательное произведение, ре-

альные события, чётко обрисованные характеры самых известных лиц — читатель становится свидетелем жизни, давно и безвозвратно ушедшей. Необыкновенный, милый, но неизбежный юмор автора... Армейские сценки, семейные трагедии... Оторваться невозможно.

В 1863 году выходит в свет двухтомник стихов Фета.

Начала молодые пытались обосноваться в Москве. Афанасий Афанасьевич пытался сделать литературную карьеру. Но в это время в литературе царили боготворцы-разночинцы. Поощады от них не стало даже таким авторитетам, как Тургенев. Стиль литературной "критики" того времени приблизился к современному нам языку дебатов Трампа и Байдена. И тогда на семейном совете было решено купить небольшое имение Степановка. "Нашего помещичьего полку прибыло!" — радостно пишет Фету Лев Толстой. Стать помещиком оказалось прорывным решением. Афанасий Афанасьевич сразу проявил себя прирождённым хозяином. Судьба наконец улыбаётся ему, настойчивому и трудолюбивому. Уважение соседей и, что удивительно по тем порам, всех окрестных сельчан-мужиков. Фет был избран мировым судьёй. И пребывал в этой должности 11 лет. Нависало всего. Его практические и здравые советы и решения слушали и охотно исполняли.

1873 год — особый для Афанасия Афанасьевича. Так как более, кроме него, Шеншинных не осталось, А.А. Фету высочайшим указом возвращены наследственная фамилия Шеншин и дворянство. Сбылось то, к чему он шёл 38 лет своей многотрудной жизни.

Однако, ненавидя имя Фет, поэт продолжает подписывать так свои литературные произведения. Продажа Степановки и покупка огромного имения Воробьёвка под Курском, ремонт дома и устройство парка заняли всё его время. Шеншин стал крепким помещиком.

Наступило время "собирать камни". Детей у Фетов не случилось, но они воспитывали племянника и племянницу.

Имение процветало. Но здоровье уже было не то. Многие отмечают, что Афанасий Афанасьевич замыкается, становится "бесчувственным хозяином-эгоистом", нацепленным только на получение "цаковых" (целковых). На десятилетия имя его пропало из литературных журналов. Но это — внешне. Под пеплом в его душе тлеет огонь поэзии. Лев Толстой один правильно понимал Фета. "Я от Вас всё жду, как от 20-летнего поэта, и не верю, чтобы Вы не кончили. Я свежее и сильнее Вас не знаю человека. Поток Ваш всё течёт, давая тоже известное количество вёдер воды — силы. Колесо, на которое он падал, сломалось, расстроилось, принято прочь, но поток всё течёт, и, ежели он ушёл в землю, он гдёнливо опять выйдет и завертит другие колёса".

Пророчество исполнилось. "Вечерние огни" осветили старость поэта...

1883-1891 годы — выпуск четырёхтомника "Вечерние огни". Их ждали, но только поклонники истинной поэзии. Таковых в то время осталось мало. Свежесть поэзии пожилого Фета нисколько не увяла, наоборот! Талант его расцвёл. Но тогдашняя публика жаждала узкореволюционной направленности. В моде был Надсон (кто его помнит?). Стихи Фета опять пришлось не ко времени. Шквал критики обрушился на поэта за его любованные вечными темами и безупречность стихотворной формы. Большинство критиков из революционных разночинцев либо замалчивали стихи Фета, либо отзывались о них пренебрежительно, грубо-издевательски.

Но живой, оптимистичный нрав Афанасия Афанасьевича в стихах и воспоминаниях всегда царит над угрюмой прозой жизни. Неиссякаем родник его жизнелюбия, любования природой, восторга бытия. И не скажешь возраст и тяжёлая болезнь на лёгкости и новаторстве его стиха.

Стихи из чувствительных. Стихи — предтеча Бальмонта, Блока: "Шёпот, робкое дыханье..." Прощеца Есенина — "Зарева выюга", "Печальная берёза у моего окна..."

Следующее поколение считало Фета родоначальником Серебряного века. Валерий Брюсов проповедовал Тютчева и Фета. Символисты учились у Фета ("Это утро, радость эта...").

Поэт утешает себя, встречая равнодушные читатели, злобу критиков:

"Учись у них — у дуба, у берёзы... Они стоят, молчат, молчи и ты... Но верь весне".

Старик Фет не перестаёт удивлять мир новыми формами стихосложения. Например, его по-врубелевски изящное стихотворение "Бабочка": "Ты прав. Одним воздушным очертаньем..."

Необыкновенная сердечность и музыкальность строк Фета неизбежно привели к тому, что многие его стихи стали любимыми романсами. Вот некоторые: "На заре ты её не буди", "Облаком волнистым...", "Только станет смеркаться невозможно..."

Но особенная судьба — у стихотворения-романса "Сияла ночь. Луной был полон сад..." посвящённого Татьяне Берс. Это замечательное стихотворение было положено на музыку Н. Ширяевым и стало любимым романсом тысяч почитателей. Кто же вдохновил тонко чувствующего поэта написать эти проникновенные строки? Каждое слово исполнено реального смысла, подкреплёно действительным событием, потрясшим две известные семьи — Берс и графов Толстых. Событие, повлёкшее участников совсем по иному жизненному пути, нежели им бы хотелось...

Итак, выведем под софиты истории: 16-летнюю Танечку Берс и 36-летнего графа Сергея Николаевича Толстого.

Сестра Софьи Андреевны Берс (в замужестве графиня Толстой) Татьяна Берс оставила свои мемуары о детстве и юности "Моя жизнь дома и в Ясной Поляне". Они полны очарования и непосредственности. Как будто сама Наташа Ростова говорит с нами. Мы узнаём о быте больших московских семей, о друзьях, правилах поведения, взаимоотношениях, о праздниках и шалостях, о томлении сердца и полёте души. О молодой любви! Любовь и музыка наполняли жизнь юной девушки, живой, все-

лой и остроумной, но несправимо романтической. Она не была красивой, нет-нет! Но была "с изюминкой", что привлекает к себе много сильнее... Она обладала сильным грудным контролем. Те, кто помнит описание пения Наташи Ростовой, сразу узнают в нём Татьяну Берс. Сергей Николаевич очаровался настолько, что, забывшись, произнёс: "Я женился на ней". Разница в возрасте между Таней и Сергеем Николаевичем была двадцать лет... Таня пела и силала от любви. И было предложение руки и сердца. И были радостные волнения в семействе Берс... Одной сестре досталось семейное счастье, другой — пивковый туз. Удар судьбы. Сергей был несвободен...

Старинный цыганский романс — и роман.

"...Силу и притягательность старинного цыганского романа испытали на себе многие. И многие сломали себе жизнь, пытались поймать в ладони лунный свет, войти гостем в призрачный замок феи Фата-Морганы.

Он будет пить, но вдоволь не напьётся. Он будет есть, но он не будет сыт. И даже если б не был чёрту сбыт, Он всё равно пропал. И не спасётся.

О ком это? Только ли о докторе Фаусте говорит коварный Мефистофель у Гёте? Или предвещает судьбу тонко чувствующему человеку, "обожжённого песней навек"? Предвещает томительно-страстной мелодией старинного цыганского романса. Это и о российских дворянках, хотя не только. О тех, о ком поётся в романсе "Эй, ямщик, гони-ка к "Яру!"

Там ожидает такое томление и полёт души... Такие перемены и полупота музыки. Такая захватывающая удаля. И таинственное нежное уныние безнадежной любви. Сколько на следственных состояний ушло под "призывный звон" гитар, под сладкое страдание в попытке достичь недостижимого, поймать неуловимую мечту.

Старший брат Льва Николаевича Толстого, Сергей Николаевич, слишком гордый, чтобы служить, посвятивший жизнь свою конезаводу и имению, выкупил из цыганского хора солистку Машу Шишкину. За сладкие песни, за чудный голос. И сам певал. Был знаток и обожатель романса. Но, прожив с ней около 16 лет и имея от неё трёх живых детей, Сергей Николаевич ни на минуту не считал Машу своей настоящей женой. И, влюбившись и потеряв голову, начал ухаживания за Таней Берс с чистой совестью. Хотел жениться, оттягивал женитьбу на год, полагая за год уладить свои проблемы. Но мать Маши написала прошение на высочайшее имя, после чего Сергей был вынужден оформить отношения с Машей, жениться, усыновить своих детей... И потерять свою настоящую любовь — Таню Берс — навсегда.

Страшно было открытие Тани, страшна была её реакция: она пыталась отравиться. Её еле спасли, но более года она была инвалидом, кашляла кровью... Выжила Таня по её желанию в семействе друзей её родителей. Там Таню и увидел однажды Афанасий Фет. Бледная, несчастная, в слезах... Таня решилась петь. Но только в темноте, чтобы слушатели не видели, как она подурнела за время болезни. И вот в ночи зазвучал её голос, больную любовью и гласом рока.

Сияла ночь. Луной был полон сад. Ложали Луны у наших ног в гостиной без оней. Рояль был весь раскрыт, и струны в нём дрожали, Как и сердца у нас за песнею твоей. Ты пела до зари, в слезах изнемогая, Что ты одна — любовь, что нет любви иной, И так хотелось жить, чтоб, зевая не роняя, Тебя любить, обнять и плакать над тобой.

Прошло время. Молодость взяла своё. Таня оправилась и в 21 год вышла замуж. И уже могла более спокойно реагировать на приезды Сергея в Ясную Поляну. И скорее Сергей Николаевич, а не Татьяна (теперь Кузьминская) испытывал тоску и обречённость, ощущение жизни, пошедшей не по тому пути, когда всё уже бесцельно и нет твёрдой почвы под ногами.

А Татьяна Андреевна часта приезжала в Ясную. И каждое лето для Толстых и для Кузьминских, для гостей и приезжих (в том числе и для друга семьи Афанасия Фета) звучал её чудесный голос, певший о любви, несбыточности и странной, о мирежае большой, измученной души. О счастье. О свете. О красоте жизни.

И много лет прошло, томительных и скучных, И вот в тиши ночной твой голос слышу вновь, И веет, как тоада, во вздохах этих звучных, Что ты одна — вся жизнь, что ты одна — любовь. Что нет обид судьбы и сердца жаужей муки, А жизни нет конца, и цели нет иной, Как только веровать в рыдающие звуки, Тебя любить, обнять и плакать над тобой!

Подобно рождению, и смерть поэта оказалась окутанной покровом густой тайны. Афанасий Афанасьевич задыхался от застарелой "грудной болезни", осложнённой бронхитом. Муки удушья были невыносимы. Желая избавить жену от неприятностей, он отсылал её к врачу — справиться, можно ли ему выпить шапранского. Мария Петровна уходит. Фет диктует своей секретарше письмо: "Не понимаю сознательного преумножения неизбежных страданий, добровольно иду к неизбежному". При этом он хватается стilet для разрезания бумаг, секретарша вырывает его, Фет бежит в другую комнату, падает, умирает. Это было актом той "железной" фетовской воли, с помощью которой он, преодолев преследующую его злую, несправедливую судьбу, сделал свою жизнь такой, какой хотел. И "сделал" смерть свою тогда, когда хотел.

Это случилось 21 ноября (4 декабря) 1892 года. Смерть Фета, как и его жизнь, была героической и трагической. Сродни кончине древнегреческого философа Эпикура. Рождённый в год первого издания пушкинской поэмы "Руслан и Людмила", Афанасий Афанасьевич был похоронен в селе Клейменово, родовом имении Шеншинных. Это было через два месяца после выхода в свет первого произведения Максима Горького, в год выпуска сборника первых русских модернистов. Жизнь — от Пушкина до Горького...

Ирина ПИЧУГИНА